

РАМПА и ЖИЗНЬ

АННА ПАВЛОВА
(къ возвращенію въ Россію)

№ 29-30.

IX г. изд.

О Чеховѣ.

(Несвоевременныя мысли).

«Конечно, несвоевременныя»—скажутъ, пожалуй, читатели, узнавъ, что темой моей бесѣды будутъ... Чеховъ.

Помилуйте, въ дни великой революціи, въ медовый мѣсяцъ молодой русской свободы, когда нѣтъ мѣста унынію и тоскѣ,—говорить о «пѣвцѣ сумерокъ»... Умѣстно ли это?...

Ахъ, этотъ заѣженный трафаретъ, которымъ мы отмахиваемся отъ такого сложнаго жизненнаго явленія, какимъ былъ Чеховъ. Мы не хотимъ вникнуть въ эту мудрую и глубокую жизнь, мы не желаемъ постигнуть всей глубины его единственнаго изумительнаго мастерства,—и говоримъ заученныя фразы: «Чеховъ бытописатель хмурыхъ людей, рисовавшій безнадежныя картины жизни, сумерочной и тусклой. Чеховъ сентиментальный мечтатель о прекрасной жизни черезъ 300 лѣтъ».

Чеховъ—акварелистъ, оплакивающій гибель вѣшневыхъ садовъ.

Чеховъ—нытикъ, не почувствовавшій дыханія грозы и бури.

Чеховъ, чуждый общественности писатель.

Чеховъ... Но надо ли продолжать выписывать эти тупыя сужденія? Да, «Волга впадаетъ въ Каспійское море, лошади кушаютъ овесъ и сѣно»...

О, безсмертная человѣческая пошлость, о безпредѣльная тупость и циничное невѣжество!..

Прошло тринадцать лѣтъ со дня смерти Чехова, а какъ мало сдѣлано для того, чтобы снять съ памяти Чехова грязнящее его благородное имя прикосновеніе ученыхъ критиковъ—этихъ почтенныхъ профессоровъ Серебряковъ, этихъ «вобль, ничего въ искусствѣ не понимающихъ», которые до сихъ поръ Чехова смѣшиваютъ съ тѣмъ, что есть чеховщина.

Да, чеховщина это—«сумерки», «хмурые люди», это уныніе, нытье, ничегонедѣланіе, это—пошлость доктора Юныча, это—мерзость «шаршава животнаго» Наташи изъ «Трехъ сестеръ», это—тотъ вагонъ для устрицъ, въ которомъ везли мертваго Чехова и которымъ жизнь отомстила тому, кто заклеимилъ ея пошлость...

Это—чеховщина. Отъ нея Россія, надо надѣяться, избавилась навсегда. «Недотепамъ» дѣлать теперь нечего. «Недотепы» должны стать людьми, чтобы участвовать въ строительствѣ родины.

И многіе, вѣроятно, стали людьми. Быть-можетъ, и самъ мечтатель Вершининъ, полковникъ, у котораго двѣ дѣвочки и жена, которая на-зло мужу травится два раза въ годъ, онъ теперь, кто знаетъ,—быть-можетъ предсѣдатель какого-нибудь фронтоваго или полковаго комитета!..

А Чеховъ—Чеховъ это нѣчто полярное чеховщинѣ прежде всего. Вотъ вышли шесть томовъ его писемъ, и у слѣпыхъ должны открыться глаза. Слепые, не выдавшіе красоты въ этой жизни, теперь ее увидятъ.

Ибо жизнь Чехова, это—жизнь самаго красиваго, самаго свободнаго человѣка.

Онъ любилъ свободу безгранично. И какъ художникъ и какъ человѣкъ онъ былъ во всемъ всегда свободнымъ и отъ «предразсудковъ» въ видѣ ярлыковъ и фирмъ, и отъ политическихъ предубѣжденій, ибо зналъ, что жандармъ, кутузки и полицейскій столъ же противны, какъ и елейный либерализмъ Градовскихъ.

Онъ вѣрилъ свободѣ, ибо вѣрилъ человѣческой красотѣ, человѣческому таланту, человѣческой правдѣ...

Перечитайте его письма,—вы поймете почему я говорю, что онъ былъ «самымъ свободнымъ».

Онъ ненавидѣлъ насиліе, ложь и лицемеріе. И когда участники банкета, запивая шампанскимъ свои тосты, произносили пышныя рѣчи о «свободѣ»,—онъ одинъ среди этихъ праздно болтающихъ былъ истинно свободнымъ, ибо содрогнулся отъ противорѣчія, которое ставила жизнь и котораго никто не замѣчалъ: всѣ твердили о равенствѣ и не видали въ лакеѣ, разносившемъ кушанья, равнаго. Были господа и были слуги. И рѣчи о свободѣ есть лицемеріе, пока существуетъ такое социальное неравенство.

Объ этомъ есть у Чехова нѣсколько строкъ въ его «дневникѣ», приложенномъ къ одному изъ тому писемъ...

Вѣроятно, уважаемые читатели, на-слово повѣрившіе профессору Серебрякову, этого дневника не замѣтили.

Если бы замѣтили, то поняли, что онъ былъ самымъ красивымъ и самымъ свободнымъ.

Если бы это о немъ знали, то поняли бы, что и въ дни революціи о Чеховѣ говорить своевременно.

Я даже скажу, что именно теперь, когда мы, опьяненные побѣдами и завоеваніями политической свободы, не замѣчаемъ, какъ падаютъ цѣнности духовныя, какъ насиліе, лицемеріе и ложь начинаютъ поднимать свои змѣиныя головки,—теперь, когда такъ надо помнить о безсмертной высшей правдѣ искусства,—говорить о Чеховѣ должно, не боясь показаться смѣшнымъ и «несвоевременнымъ»...

Правда будетъ. Ея царствіе наступитъ. Въ это вѣрилъ самый свободный въ Россіи писатель Чеховъ.

Въ это вѣримъ и мы, въ это вѣрить и революція. Только пути достиженія правды разные.

У Чехова она была въ чувствѣ личной свободы; которая свѣтитъ немеркнущимъ свѣтомъ въ его искусствѣ, искусствѣ далеко еще неощенномъ и неопстигнутомъ...

Что бы съ Россіей ни случилось—мы все равно будемъ съ нимъ,—съ Чеховымъ. Если будетъ радость (а какъ ей не быть?) мы вѣримъ, что онъ этой радости хотѣлъ пламенно.

Если будетъ печаль, то что же?—будемъ думать вмѣстѣ съ Соней, что мы увидимъ ангеловъ «и все небо въ алмазахъ» черезъ... 300 лѣтъ.

Юрій Соболевъ.